

Доклад Ю.С.Пивоварова,
члена-корреспондента РАН, доктора политических наук,
профессора МГУ, директора института научной информации
по общественным наукам (ИНИОН) РАН, президента
российской ассоциации политической науки (РАПН).

"Политическая история России: внешнее и внутреннее измерение"

Я не специалист по истории дипломатии, истории международных отношений. Поэтому в моем выступлении не будет конкретики и фактов. Всю свою жизнь я занимался историей русской мысли и политической культуры России. Меня больше чем факты (о которых великий французский историк Ф.Бродель сказал, что это пыль) интересовали теоретические и методологические вопросы. Иначе говоря, интересовало субстанциальное. Поэтому мой доклад будет иметь скорее теоретико-методологический характер.

Еще его одной особенностью является то, что и в постановке вопросов и в попытках дать на них ответ, я обращусь к творческому наследию русской мысли – политической и исторической. Хорошо известно, что всякая национальная мысль есть способ и опыт коллективного самопознания. Но русская – в особенности. Если для западной мысли характерно повышенное внимание к методологии, гносеологии и т.п., то для нашей – историософские темы. И прежде всего судьба России, ее неповторимый и специфический исторический опыт.

В связи с этим моя апелляция к великим предшественникам не есть попытка спрятаться за спины великих, прикрыть себя их авторитетом, но – напротив, опереться на мощную и, убежден, животворную традицию. Которая, к сожалению, еще не вполне “востребована” нами.

* * *

Итак, внешнее и внутреннее измерение политической истории России. В каком соотношении находятся они между собой? Какое из них, говоря несколько по-детски, важнее? – Прежде чем отвечать на эти вопросы (может быть, действительно, наивные), хочу напомнить всем известное. Мы, Россия, находимся ныне в уникальной ситуации. Около пяти столетий, с момента возникновения независимого Московского государства, шел процесс неуклонного его расширения. Одной из целей которого был выход к морям. И вот, на наших глазах, а следовательно с нашим – вольным или невольным – участием, этот процесс пошел вспять.

Мы словно переместились во времена Алексея Михайловича, Тишайшего царя. Более того, во времена до присоединения Левобережной Украины. Историческое пространство России сжимается. Она демаринизируется, уходит от морей, превращается во внутреннее, равнинное государство. – Правда, следует обратить внимание: в XX веке наше Отечество дважды как бы уже репетировало то, что – увы! – наверное, необратимо происходит сегодня.

Сначала это произошло в ходе I мировой войны и Русской Революции, что и было зафиксировано Брестским договором. Тогда, в 1918 г. Россия потеряла огромную территорию – 780 тыс. кв. км, на которой проживали 56 млн. человек, т.е. почти треть населения Российской Империи. Однако “брестский эпизод” оказался коротким; утраченные территории были возвращены. К октябрю 1941 г. СССР лишился еще большей территории и его большего населения – около 1 млн. кв. км и около 42% населения. Но и здесь сжатие быстро сменилось расширением.

Третья “попытка” также отняла у нас 1 млн. кв. км (примерно) и (тоже примерно) 75 млн. человек (из них 17-18 млн. этнически русские). Говорить, что Россия и без этой земли велика – не корректно. Стоит лишь взглянуть на климатическую карту мира. Да и потеря 75 млн. европейцев драматична и по своим масштабам и по своим последствиям.

Таков контекст переживаемой нами ситуации. Ситуации, прямопротивоположной всему предшествующему историческому развитию и его вектору. Я уже не говорю об экономическом провале.

* * *

Так вот: внешний фактор в политической истории России и его воздействие на внутреннюю жизнь страны.

На первых страницах третьего тома своего знаменитого “Курса русской истории” В.О.Ключевский говорит: “Едва ли в истории какой-либо другой страны влияние международного положения государства на его внутренний строй было более могущественным”. По своему Ключевскому вторит П.Н.Милюков: “... Все три общих русских истории (Щербатова, Карамзина и Соловьева) положили в свою основу рассказ о внешней политики России”.

Но тогда возникает вопрос: почему именно у нас влияние внешней политики на внутреннюю столь велико и определяюще? Что в нашей истории способствовало такому влиянию?

Об этом убедительно и точно было сказано С.М.Соловьевым: “Россия есть громадное континентальное государство, не защищенное природными границами, открытое с востока, юга и запада... Русское государство изначально осуждалось на постоянную тяжелую изнурительную борьбу с жителями степей”. – “Бедный, разбросанный на огромных пространствах народ должен был постоянно с неимоверным трудом собирать свои силы, отдавать последнюю тяжело добытую копейку, чтобы избавиться от врагов, грозивших со всех сторон, чтобы сохранить главное благо, народную независимость; бедная

средствами сельская, земледельческая страна должна была постоянно содержать большое войско”.

Современный российский исследователь отмечает: “Проблемы обороны и безопасности (т.е. внешней политики – Ю.П.) с самого возникновения Русского государства доминировали над всеми остальными потребностями. Только создав такую власть, которая могла обеспечить неприкосновенность территории страны и безопасность жителей, заставив их авторитетом силы и сверхпринуждения принимать любые лишения для содержания огромного войска, и кроме того, не допустить их разбегания от гнета этого принуждения по бескрайним просторам русской равнины, можно было думать о всех прочих нуждах страны и ее обитателях. Но проблема власти с таким массивным потенциалом насилия выдвигала политические факторы на первое место среди остальных источников нашего развития”.

Эту же тему в своих блистательных “Очерках русской культуры” развивает П.Н.Милюков. “... Московское государство уже с конца XV века становится настоящим военным станом, главным штабом армии, нацеливаясь на колонизацию южных и восточных земель. В этом упорном процессе старые хозяйственные заботы “прародителей” московских государей скоро отходят на второй план перед новыми, более сложными: как достать денег и войско. С конца XV века эти два вопроса надолго всецело поглощают внимание центральной власти. Все другие существенные реформы, особенно реформы в государственном управлении в конце концов всегда вызываются этими двумя главными нуждами”.

Итак, сделаем некоторые выводы. Специфическое географическое (“территориальное”) положение России во многом предопределило повышенное воздействие внешней политики на внутреннюю. Ну, в этом нет ничего удивительного. Еще Наполеон говорил: внешняя политика всех государств заключается в их географии. А уже в XX в. Н.А.Бердяев заметил: русская география съела русскую историю.

Уникальное территориально-географическое положение России привело к тому, что основной линией нашей внешней политики стала защита страны практически по всем ее границам (кроме северной), по всему ее параметру. Об этом, кстати, писал и “отец” геополитики Карл Хаусхофер: “обеспеченность защиты играет решающую роль в истории России”.

Далее. Специфика внешнеполитического положения России превратила ее на века в военный лагерь (В.О.Ключевский: “Московское государство – это вооруженная Великороссия”). С соответствующей военной ментальностью. С соответствующим типом власти – сверхвласти, власти с “массивным потенциалом насилия”. С соответствующим типом социальности, где властное измерение довлеет всем остальным.

Все, буквально все в этой стране было подчинено решению внешних задач. Под это и строится общество, экономика, финансы, административные институты.

Тот же П.Н.Милюков напоминает нам. С конца XV по начало XVIII веков (т.е. за два с небольшим столетия) Россия пережила пять радикальных реформ государственного управления (конечно, радикальность была различного градуса, различной глубины и остроты). И все они диктовались задачами внешнеполитическими. И все они были

связаны с совершенствованием военного дела, военного инструментария. 1490-е гг. – создание дворянской конницы, 1550 г. – организация регулярной пехоты (стрельцы), 1620-е гг. – первое массовое привлечение в армию иностранных офицеров, формирование полков “иноземного строя” (вообще возникновение многочисленной армии, вскоре по этому показателю Россия сравнивается с тогдашним европейским гегемоном – Францией), 1680-е гг. – организация трех постоянных “армий” – в Севске, Новгороде и Белгороде и новой конницы (рейтары, драгуны), 1700-1720 гг. – петровская армия и флот.

Все мы – в общем и целом – представляем себе историю России и поэтому я не буду тратить время на перечисление соответствующих реформ государственного устройства.

Но опираясь на эту мысль Милюкова, я попытаюсь – вкратце – показать как задачи внешней политики России, решаемые тогда прежде всего военными средствами, определили ход ее внутренней политики, ее социального развития.

а) чем было и к чему привело создание дворянской конницы при Иване III. Возникает первое служилое – служебное сословие, первое крепостное сословие. Это прообраз того, чем станет Московское царство впоследствии.

б) чем было и к чему привело создание регулярной армии на основе рекрутской повинности при Петре I. Окончательное закрепощение всех сословий. Рождение Петербургской империи. Все реформы – с точки зрения Петра – должны были обеспечить России решение кардинальных внешнеполитических задач посредством эффективной армии.

в) “великие реформы” Александра II выросли из Крымского поражения и необходимости иметь современную армию (на основе всеобщей воинской повинности) с современным вооружением (на основе развитой промышленности).

Таким образом, три внешнеполитические задачи России предопределили три исторические эпохи – Московское царство, Петербургская империя, пореформенная Россия (от отмены крепостного права до падения монархии).

Значение внешнеполитического фактора столь велико, что даже самоидентификация русского человека зачастую напрямую связана с внешней политикой. “Западник”, “славянофил”, евразиец и т.д. – все это так или иначе связано и с внешнеполитической ориентацией человека.

* * *

Теперь коснемся иной темы, или иного измерения главной темы доклада.

В своей истории Россия знала три крупнейших идеологии, или мифологемы. Это – “Москва – Третий Рим”, “Православие. Самодержавие. Народность” и коммунистическая идеология. Все три эти мифологемы так или иначе трактовали место России в мире, в истории. И через этот “внешний” аспект мощно воздействовали на внутреннюю политику:

а) Согласно “третьеримской” установке Истина находит свое воплощение в Православии. Хранителем Православия после падения Византии становится Москва. Сюда перемещается мистический центр ойкумены. Русь обретает единственное и, так сказать, финалистское (после уже ничего не будет) место в мире. Судьба мира в ее руках. Отсюда – “мы” выше всех. И все “их” “премудрости” нам не нужны.

Соответствующим образом “оформляется” внутренняя политика. Резко идет в гору институт царской власти (царь – священник; ибо он и есть непосредственный хранитель православия). Политическая сцена “редуцируется” до царской власти, которая постепенно становится Моносубъектом русской истории. Сакрализация всех отношений. – Это происходит в эпоху Возрождения, т.е. секуляризации.

б) “Православие. Самодержавие. Народность”. Антиевропейская, антизападническая формула. Реакция на ученическое, “подражательное” положение во внешнем мире. На французскую революцию и наполеоновские войны “Мы” и “Они”. Курс внутренней политики – автаркия, железный занавес, реакция, отказ от реформ. Как следствие – во многом – поиски своего места в мире.

в) Вновь вспышку мессианства (уже – псевдорелигиозного) Россия пережила в годы революции. Формируется идея “Третьего Интернационала”. Это – секулярный аналог “третьеримства”. Свою идеологию он обретает в “марксизме-ленинизме”, который по сути отводит России мессианскую роль – утвердить на всем земном шаре Абсолютную Социальную Справедливость. Причем – и это стоит отметить особо, - если миф о Третьем Риме был универсалистским лишь потенциально, то коммунизм выставлял свои универсалистские претензии осознанно и открыто. Мечта о “земшарной Республике Советов” была зафиксирована и в Конституции 1924 г. В ней говорилось, что “доступ в Союз (СССР. – Ю.П.) открыт всем социалистическим республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем”. А само создание СССР квалифицировалось как “новый решительный шаг по пути объединения трудящихся всех стран в мировую социалистическую Советскую республику”.

Кстати, эту, принципиально новую, “советскую государственность”, ее универсалистский характер хорошо понял русский правовед Н.Гронский. Ведь впервые в мировой конституционной практике власть не “связывалась” с определенной территорией (т.е. власть не была ограничена в пространстве). “... Советская Республика гостеприимно открывает двери перед всеми народами и государствами, приглашая их ко вступлению в Союз при одном лишь непременном условии – провозглашении советской формы правления и осуществлении коммунистического переворота. Стоит жителям Борнео, Мадагаскара или Зулуланда установить советский строй и объявить коммунистические порядки, и лишь в силу их заявления, эти новые, могущие возникнуть советские республики принимаются в Союз Коммунистических Республик. Если бы Германия захотела перейти к благам коммунистического строя или же Бавария, или Венгрия захотели бы повторить опыты Курта Эйснера и Бэла Куна, то и эти страны могли бы войти в Советскую Федерацию... Пределы его (“государства” СССР. – Ю.П.) безбрежны, оно стремится в идеале впитать в себя все народы мира... Союз Советских Социалистических республик не представляет из себя прочно установленного государственного порядка, он может в любой момент исчезнуть (как это и произошло в 1991 г.! – Ю.П.) и в то же самое

время способен к беспредельному, ограниченному лишь поверхностью нашей планеты, расширению”.

В принципе было два варианта распространения коммунистического пожара (“мы на горе всем буржуйам / мировой пожар раздуем”), Первый – и поначалу Ленин склонялся к нему – представлял собой перманентную революцию сразу и сходу. Как только покончим с белогвардейской сволочью здесь, в России, так и – “даешь Варшаву! Дрожи Берлин!”.

Второй вариант – это строительство социализма в одной стране. К концу своей земной жизни Ильич, кажется, обратился к этому сценарию. Но строительство не ради этой только страны, и не в первую очередь для нее. А для создания крепости мирового коммунизма, из которой и начнется планомерная экспансия на весь мир. В принципе этот второй сценарий с разной степенью интенсивности и успеха реализовывался “нами” до середины 80-х. То есть именно он оказался главным.

Но вот что важно. Помимо универсалистско-марксистско-ленинской установки на “мировой пожар”, русские до всяких там лениных – троцких – сталиных имели свою собственную, туземную, установку на “мировой пожар”. Об этом очень точно и энергично Блок сказал в “Двенадцати”: “мировой пожар в крови – Господи, благослови!”. Но это язык символиста и метафизика. Международник и политгеограф Тютчев (одновременно, правда, и метафизик, и символист; но мы имеем двух Тютчевых – слава Богу! в данном случае речь идет о политическом Тютчеве) формулировал несколько иначе: “Москва и град Петров, и Константинов град - / Вот царства русского заветные столицы.../ Но где предел ему? и где его границы - / На север. на восток, на юг и на закат?/ Грядущим временам судьбы их обличат ... / Семь внутренних морей и семь великих рек ... / От Нила до Невы, от Эльбы до Китая, / От Волги до Ефрат, от Ганга до Дуная ... Вот царство русское... и не преидет вовек, / Как то предвидел Дух и Даниил предрек”.

Федор Иванович имел в виду ветхозаветного пророка Даниила с его идеей сменяющих друг друга царств. Которая, как известно, была одним из важнейших источников концепции “Москва – Третий Рим”.

И “мировой пожар” в нашей “крови” совсем не потух вместе с гибелью этой великолепной петербургской – западнически-славянофильской – империи. Ее мечта о пространственной безмерности, беспредельности, безграничности, несомненно, связалась каким-то непостижимым образом с коммунистическим универсализмом. Почитайте Павла Когана и Михаила Кульчицкого, этих гениальных юношей, не вернувшихся с Отечественной, и вы увидите и услышите как тютчевское и ленинское сплывилось в одно – “Но мы еще дойдем до Ганга, / Но мы еще падем в боях, / Чтобы от Японии до Англии / Сияла Родина моя” (Павел Коган).

Этот вселенский размах нашей культуры не есть нечто преходящее. Это конститутивное и системообразующее, субстанциональное и перманентное...

... Скажем еще несколько слов о воздействии внешнеполитических факторов на внутрисполитические при большевиках. Они ощущали себя людьми, с одной стороны, призванными творить историю на основе “познанных” ими “законов” исторического развития, а с другой – исходя из того же “знания” стоящими над историей. Отсюда и их известное психологическое состояние – все возможно, все дозволено. Т.е. большевизм

порождает весьма своеобразный метафизический волюнтаризм. Который сопровождается какой-то совершенно особой формой легитимации (легитимности) – в “мета-исторических химерах”.

Эта социально-властная система и образ мышления были поражены глубочайшей патологией – патологией власти. Щупальца коммунизма стремились проникнуть во все клетки мирового социума. Охватить – в ходе мировой революции – весь земной шар. Всякая рациональность подчинена здесь иррациональности власти. Все противоречия должны быть решены и решаются насильем. Происходит обвальное метастазирование насилия как во вне, так и вовнутрь.

Но вот здесь следует указать на различие двух версий русского коммунизма, двух типов его внешней политики и двух типов политики внутренней, во многом определяемой внешней. Эти две версии – ленинская и сталинская. Это – акцент на мировую революцию и на “строительство социализма в одной стране”.

Соответственно, носителем ленинизма был по-преимуществу бывший политэмигрант, работавших в рядах французской соцпартии или германской социал-демократии; его политическая социализация прошла в эмигрантских кафе европейских столиц. Во многом поэтому ленинизм был ориентирован на мировую революцию, так сказать горизонтальное ее распространение – на Европу, на весь мир. Это – тип горизонтальной мобилизации. Носителем сталинизма являлся провинциальный партийный работник из “простых”, чей горизонт был ограничен губернией, в которой он провел свою жизнь. Поэтому лозунг “социализм в одной стране” ему близок. Сталинизм есть прежде всего ориентация на вертикальное распространение революции, тип вертикальной мобилизации.

* * *

Мне кажется, что одну из наиболее важных для нас сегодня позиций по вопросу о соотношении внешней и внутренней политики сформулировал П.Б.Струве. В 1908 году в журнале “Русская мысль” он публикует статью “Великая Россия: Из размышлений о проблеме русского могущества”. “Великая Россия” – это, конечно, формула П.А.Столыпина. Об этом говорит и сам Струве, и “отталкивается” от этой формулы. “Отталкивается”, чтобы разъяснить, дать ответ: “а что значит “Великая Россия?” – Но прежде мыслитель дает определение государству, не государству российскому, а любому, всякому. Он пишет: “Для государства ... верховный закон его бытия гласит: всякое здоровое и сильное, т.е. не только юридически “самодержавное” или “суверенное”, но и фактически самим собой держащееся государство желает быть могущественным. А быть могущественным – значит обладать непременно “внешней мощью”. Ибо из стремления государств к могуществу неизбежно вытекает то, что всякое слабое государство, если оно не ограждено противоборством интересов государств сильных, является в возможности (потенциально) и в действительности (de facto) добычей для государства сильного.

Отсюда явствует ... как превратна та точка зрения..., которая сводится к подчинению вопроса о внешней мощи государства к вопросу о так или иначе понимаемом его “внутреннем благополучии”.

И далее на примере тогда актуальном он конкретизирует свою мысль: “Русско-японская война и русская революция ... до конца оправдали это понимание. Карой за подчинение внешней политике соображениям политики внутренней был полный разгром старой правительственной системы в той сфере, в которой она считалась наиболее сильной, в сфере внешнего могущества. А с другой стороны, революция потерпела поражение именно потому, что она была направлена на подрыв государственной мощи ради известных целей внутренней политики”.

После этого исторического примера следует основной теоретический вывод: “Отсюда получается тезис, который для обычного русского интеллигентского слуха может показаться до крайности парадоксальным.

Оселком и мерилom всей т.н. “внутренней” политики как правительства, так и партий должен служить ответ на вопрос: в какой мере эта политика содействует т.н. внешнему могуществу государства?”.

На мой взгляд, этот вывод Струве имеет важнейшее методологическое значение – как для науки, так и для практических политиков. Могут возразить да, все это известно; Струве не оригинален. – Нет, политическая история России говорит об обратном. Для нее, скорее, характерно недопонимание органической связи внешней политики и внутренней политики. Недопонимание со стороны власти имущих. Недопонимание со стороны общества. На это, кстати, указывал и сам Струве.

“Относительно современной России не может быть ни малейшего сомнения в том, что её внешняя мощь подорвана. Весьма характерно, что руководитель нашей самой видной “националистической” газеты в новогоднем “маленьком письме” утешается тем, что нас никто в предстоящем году не обидит войной, так как мы “будем вести себя смирно”. Трудно найти лозунг менее государственный и менее национальный, чем это: “будем вести себя смирно”. Можно собирать и копить силы, но великий народ не может – под угрозой упадка и вырождения, - сидеть смирно среди движущегося вперед, растущего в непрерывной борьбе мира. Давая такой пароль, наша ... мысль показывает, как она изумительно беспомощна перед проблемой возрождения внешней мощи России”.

Кстати, у Струве мы можем почерпнуть еще одну идею, также имеющую существенное отношение к теме воздействия внешней политики на внутреннюю. Хотя в данном случае речь идет не о прямом, а о косвенном воздействии. Внешне (я подчеркиваю: лишь внешне) эта идея банальна. Банальна потому, что связана с темой “Европа и Россия” (“Запад и Россия”). Кто только не касался этой темы?! Однако в устах Струве она приобретает иное значение, иной смысл. Он был не просто крупнейшим политическим мыслителем России первой половины XX столетия (таким полагал его Н.А.Бердяев), но и наиболее выдающимся в этом веке русским западником, теоретиком либерализма, вдохновенным защитником капиталистической цивилизации. Петр Бернгардович представлял собой высший, законченный, совершенный тип “русского европейца” и европеиста. Именно поэтому его мнение об отношениях России и Европы, Европы (Запада) к России особенно значимо.

В 1921 г., подводя итоги русской революции, Струве подчеркивал ее международный, геополитический аспект. “Когда после войны 1870-1871 гг. ... первый президент

французской республики Тьер ... встретился в Вене со знаменитым немецким историком Ранке... спросил (его. – Авт.): ... с кем после свержения Наполеона III Германия ведет войну? – Ранке отвечал: С Людовиком XIV. Этот ответ для того, кто знает историю Европы, ясен. Смысл его заключается в том, что Эльзас был присоединен к Франции Людовиком XIV, и Германия в последней трети XIX в. вела войну с Францией за отторжение Эльзаса...”.

Здесь же Струве – по аналогии – делает вывод: “Германия в 1914 г. начала войну против России и вела ее против Ивана Грозного и Петра Великого”. И далее: “Когда революция, построенная и задуманная Германией, удалась, Россия по существу вышла из войны. Чем же занялась Германия? Расчленением, по есть разрушением России. Политика Германии мела в виду реализовать этот результат, как главнейший и совершенно несомненный плод войны... Для Германии первой и основной целью войны ... было сокрушение России, как великой державы, в ее историческом образе и ее исторической мощи”.

Можно, конечно, спорить со Струве по каким-то деталям этого анализа (роль Германии в русской революции, что было для Германии основной целью войны), но совершенно очевидна его историческая правота. Германия действительно хотела отбросить Россию ко времени Ивана III, т.е. фактически выгнать из Европы, вернуть в границы Золотой Орды. По существу ревизовать многолетнее развитие русского самодержавия: и московского, и петербургского. И в этом контексте всё равно (немцам – всё равно), какая Россия – дворян и буржуазии или комиссаров. Важно – чтобы была не сильная, не мощная Россия.

Но это Германия. И ее особые исторические взаимоотношения с Россией понятны. Как и немецкие резоны в ослаблении России. А что же союзники по антитевтонской коалиции?

“В декабре 1918 г. я попал из Советской России на Запад... в Англию и Францию, Что меня всего более поразило тогда на союзническом западе, это – та быстрота и легкость, с какою общественное мнение союзных с нами стран усвоило себе ту точку зрения на Россию, для которой я не нахожу другого более правильного названия, как точка зрения “Брест-Литовская”.

Запомним это политический термин: “брест-литовская точка зрения”. А Струве с осторожностью, не давая простору эмоциям, - союзники же! единственная надежда в борьбе с большевиками! – перечисляет, что разделяет их и нас. “Рядом с этим у западноевропейских правительств в то время не было никакой определенной точки зрения на Россию и никакой политики по отношению к ней. Союзники были очень плохо осведомлены о России, в общем удивительно незнакомы как с ее прошлым, так и с ее настоящим. Это относится как к правительствам, так и к общественному мнению. Что же касается общественного мнения в особенности, то в нем замечались различные оттенки как непонимания и незнания России, так и враждебности к ней”.

Эти слова Струве и по сей день иначе как поразительными квалифицировать нельзя. Мы вместе ведем смертельную войну, в августе 14-го армии Рененкампа и Самсонова спасают Париж, Францию, Антанту от быстротечной гибели, брусиловский прорыв мая 16-го существенно облегчает положение союзников под Верденом (и спасает в Италии), плечом к плечу с французами и англичанами героически сражается Русский экспедиционный корпус... И тем не менее! Мы по-прежнему для Европы “незнакомцы”, нас не понимают, к нам враждебны. Господствует “брест-литовская точка зрения”.

Среди причин этой враждебности Струве выделяет следующие. “Историческая Россия, т.е. Единая и Великая Россия, в разные исторические эпохи приходила в столкновение с теми двумя главными великими державами Европы, в союзе с которыми мы вели войну против Германии... В XIX веке мы имели дважды военные столкновения с Францией и дважды с Англией. Эти прошлые столкновения, часто весьма свежие, как соперничество Англии и России на Востоке... оставили... след в общественном сознании западных стран... В прошлом... нас разделял “польский вопрос”. В “польском вопросе” западноевропейское общественное мнение было всегда против исторической России... Наконец – это самое важное – Россия, как Великая Держава..., отождествлялась с известной политической формой и даже уже с известным политическим строем,, с неограниченной монархией... Исконная враждебность западных демократических элементов против “царизма” очень легко и быстро, с крушением Российского Государства перенеслась на Россию, как на Великую Державу. Эти круги рассуждали так: падение России есть падение царизма, и принимали этот факт за положительный”.

Да, войны с Европой, соперничество на Востоке, польский вопрос. Который, кстати, был поставлен союзниками перед Россией сразу же после падения царизма. И самое что ни на есть “прозападное” Временное правительство выдвинуло условие: независимость Польши в обмен на обязательный постоянный союз этой страны с Россией. И вроде бы союзники были готовы принять его... Но, конечно, не это поражает в словах Струве.

Оказывается, что и в XIX столетии друг другу противостояли не Россия и Европа, как некие различные социокультурные, социоисторические целостности, а силы социального “зла”, отсталости, деспотизма и силы социального “добра”, прогресса, лучезарной демократии. Оказывается, что конфликт двух противоположных принципов общественного устройства совсем не нов и не явился на свет вместе с русской коммунистической революцией. Оказывается, что задача Европы “повалить” деспотическое и рабское самодержавие и тоталитарного коммунистического монстра, не отделима от другой задачи – “повалить” вообще Россию. Или хотя бы в качестве великой державы. А может, это одна задача...

И имя ей – “брест-литовская”. Задача, в которой в один тесный узел связались стремление к сокрушению наличного – на данный момент – социального строя России и стремление вернуть Россию в ее геополитическую “клетку”. Разумеется, мы – вслед за целым сонмом русских гениев – можем стенать по поводу непонимания нас Европой и ее враждебности к нам. Увы, все это не имеет смысла. Давным-давно Запад осознал, что субстанция русских социальных порядков (проклятый царизм, проклятый коммунизм) намертво соединена со смертельным (для людей закатных стран) – как тенденция, в пределе - пространственным расширением России, ее, временами безудержной, экспансией в Европу.

И поэтому на Западе по отношению к нам – в общем и целом, несмотря на “возможные варианты” – всегда господствует “брест-литовская точка зрения”.

* * *

Но русские мыслители – и мы вслед за ними делаем это – не только о том, как внешняя политика воздействует на внутреннюю в “имперской” ситуации. Они понимали (не все,

конечно), что настанет час разложения Империи (он и пришел в конце XX столетия в форме разложения коммунистической империи). И, соответственно, просчитывали: как этот внешний фактор повлияет на внутреннюю жизнь российского общества.

Один из вариантов будущего России после империи, после коммунизма мы можем найти у Г.П.Федотова. В своей блистательной статье “Судьба империй”, где он, указывая на факт гибели в XX в. всех, без исключения империй, и пророча разложение советско-российской империи, пишет: “Конец России или новая страница истории? Разумеется, последнее. Россия не умрет, пока жив русский народ, пока он живет на своей земле, говорит своим языком. Великороссия да еще с придачей Белоруссии (вероятно) и Сибири (еще надолго), все еще представляет огромное тело, с огромным населением, все еще самый крупный из европейских народов. Россия потеряет донецкий уголь, бакинскую нефть – но Франция, Германия и столько народов никогда нефти не имели. Она обеднеет, но только потенциально, потому что та нищета, в которой она живет при коммунистической системе, уйдет в прошлое. Её военный потенциал сократится, но он потеряет свой смысл при общем разоружении. Если же разоружение не произойдет, то погибнет не одна Россия, а все культурное человечество. Даже чувство сожаления от утраты былого могущества будет смягчено тем, что никто из былых соперников в старой Европе не займет её место. Все старые Империи исчезнут.

В конце концов имперское сознание питалось не столько интересами государства – тем менее народа, – сколько похотью власти: пафосом неравенства, радостью унижения, насилия над слабыми. Этот языческий комплекс для России XIX века означал кричащее противоречие между политикой государства и заветами её духовных вождей. Русская литература была совестью мира, а государство пугалом для свободы народов. Потеря Империи есть нравственное очищение, освобождение русской культуры от страшного бремени, искажающего её духовный облик.

Освобожденная от военных и полицейских забот Россия может вернуться к своим внутренним проблемам – к построению выстрадавшей страшными муками свободной социальной демократии. Но после ... коммунизма русский человек огрубел, очерствел. Вероятно, не одно поколение понадобится для его перевоспитания, то есть для его возвращения в заглохшую традицию русской культуры, а через нее – и русского христианства. К этой великой задаче должна уже сейчас ... готовиться русская интеллигенция вместо погони за призрачными орлами Империи” (II, 326-327).

Другой подход мы найдем у Ив.Ильина, евразийцев ... Для них будущее России, само существование России равняется сохранению империи. Их аргументы весьма известны; я не буду их воспроизводить. Скажу лишь, что при всем драматизме распада Империи (а известная степень драматизма характерна для распада всех империй), мне кажется, что все-таки стоит прислушаться и к Г.П.Федотову и к тому, что говорил десятилетиями ранее его В.О.Ключевский. “... У нас по мере расширения территории вместе с ростом внешней силы народа все более стеснялась его внутренняя свобода. Напряжение народной деятельности глушило в народе его силы, на расширявшемся завоеваниями поприще увеличивался размах власти, но уменьшалась сила народного духа. Внешние успехи новой России напоминают полет птицы, которую вихрь несет и подбрасывает не в меру силы ее крыльев”.

* * *

В заключение, как это ни парадоксально, скажу несколько слов о воздействии внутренней политики на внешнюю. “Парадокс” – в том, что весь пафос моего выступления прямо противоположный. И тем не менее, будучи здоровыми людьми, мы понимаем, что имеет место быть и это воздействие. Да еще какое! Я вспоминаю известные слова Уильяма Гладстона: главный принцип моей внешней политики – хорошее правление внутри страны. И вспоминаю слова Ю.Ф.Самарина, замечательного русского мыслителя и общественного деятеля XIX века.

Они были сказаны после поражения России в Крымской кампании, после Парижского мира 1856 г. “Мы сдались не перед внешними силами западного союза, а перед нашим внутренним бессилием... Мы должны обратиться на самих себя, исследовать коренные причины нашей слабости, выслушать правдивое выражение наших внутренних потребностей и посвятить все наше внимание и все средства их удовлетворению. Не в Вене, не в Париже и не в Лондоне, а только внутри России завоюем мы снова принадлежащее нам место в сонме европейских держав; ибо внешняя сила и политическое значение государства зависят не от родственных связей с царствующими династиями, не от ловкости дипломатов, не от количества серебра и золота, хранящегося под замком в государственной казне, даже не от численности армии, но более всего от цельности и крепости общественного организма”.